

О России с любовью

Читайте в серии:

ОЛЬГА,
ЛЕСНАЯ КНЯГИНЯ

ТАЙНА
ДРЕВЛЯНСКОЙ КНЯГИНИ

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ ЗИМНИХ ВОЛКОВ

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ РУССКОЙ ДРУЖИНЫ

A black and white illustration for a book cover. In the foreground, a woman with a white headscarf and a dark, patterned dress looks thoughtfully to the right, her hand resting on a birch tree trunk. In the background, a Viking longship with a dragon-headed prow is on the water, with a figure visible on deck. The scene is set against a cloudy sky with some foliage in the upper corners.

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

ТАЙНА
ДРЕВЛЯНСКОЙ КНЯГИНИ

РОМАН

МОСКВА 2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Д. Сазонова*

Иллюстрация на обложке *В. Нартова*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Тайна древлянской княгини : роман / Елизавета Дворецкая. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 512 с.— (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-699-89346-1

Предслава, племянница Вещего Олега, происходит из рода женщин, веками приносимых в жертву змею, повелителю великого Волхва. Однако ныне нравы смягчились, и ничто не угрожает жизни молодой красивой княгини, вот только тревожат ее странные сны, а неожиданно вернувшийся поздней ночью из военного похода муж кажется странным и чужим... «Это змей! К нашей княгине летает змей!» — шепчутся вокруг. И молодой воин Воята, прибывший в земли древлян, клянется защитить Предславу во что бы то ни стало.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Антонова Е., 2016
© Нартов В., иллюстрация на обложке, 2016
ISBN 978-5-699-89346-1 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть первая

*Древлянская земля,
Коростень, осень 911 года*

Глава 1

Дрожжащими руками Предслава подняла череп над головой и повернула так, чтобы взглянуть через него на полную луну. Вливаясь в отверстие на месте выпиленной затылочной кости, белый свет ослеплял; Предслава поначалу невольно зажмурилась, но потом собралась с силами и заговорила:

— Месяц, светлые рожки, белые ножки! Бывал ли ты в Нави, видал ли ты мертвых? Видал ли ты Володимера, Доброгневова сына, Мстиславова внука, Володимерова правнука, — князя древлянского, мужа моего?

Череп она раздобыла у Далибожа, старшего из коростеньских волхвов. Потом три вдовы — волхва Творяна, сама Предслава и старая княгиня Чтислава, ее свекровь, — набрали воды у трех ключей и слили ее в одну большую чару, используемую для гаданий. В ней трижды омыли череп, и теперь он годился для дела, которое Предслава задумала, — вопрошания луны. В новолуние месяц, которого в Яви не видно, светит в Нави и видит всех ее обитателей; набрав силу к полнолунию, он может дать ответ на вопрос,

который уже почти три месяца не давал молодой княгине Предславе покоя.

— Муж мой любезный, Володимер свет Доброгневович! — тихим, но твердым и ясным голосом призывала она. После всего, что она уже пережила, очутиться в полночь на вершине Святой горы, под порывами холодного, влажного осеннего ветра, с человеческим черепом в руках, наедине с полной луной, блуждающей меж туч, похожих на громадных черных медведей, — все это было для нее не так уж и страшно. Не так страшно было говорить с мертвым — ибо она точно знала, что муж ее мертв, — как вопрошать понапрасну и не дожидаться ответа. — Если ты в Навь своим путем ушел, то покажись мне на месяце. Если ты между Явью и Навью задержался и к предкам пути отыскать не можешь — встань прямо передо мной!

Она напряженно вглядывалась в лунный свет. Было холодно, руки, державшие стылую кость, тоже вскоре застыли, будто мертвые; холод лился вниз по жилам, и Предславе начало казаться, что вот-вот она и сама окостенеет, перейдет во власть Кошного Бога, истает на ветру и рассыплется грудой костей по гранитной вершине Святой горы..

Лунный свет заливал глаза и словно затоплял голову. Предслава смотрела, ожидая увидеть мужа — его округлое лицо, густые русые кудри, такую же бородку, веселые светло-серые глаза.. Ее пальцы еще помнили ощущение его жестких вьющихся волос, которые она часто расчесывала, ноздри трепетали, будто стараясь уловить знакомый запах его пота.. Всей душой она напряженно прислушивалась, на-

деясь учуять приближение его души — настоящей, а не того, что уже не раз приходило к ней. . .

И вдруг череп замерцал как-то по-особому, оделся неясной дымкой. Перед глазами поплыло, но Предслава не моргала, стараясь удержать это состояние сознания, которое позволяет видеть сокрытое. Череп в ее руках уже не был голой костью: из лунного света соткались покровы, на страшном безносом лике проступили черты лица. . .

Но это был не Володимер. И вообще не мужчина. Предслава держала в окоченевших ладонях голову женщины — молодой, красивой резкой, пугающей красотой. На мертвенно-белом лице выделялись густые черные брови, ярко-красные пухлые губы, но этот признак любвеобильности не смягчал ощущение ужаса, а напротив, обострял: ведь Кошная Невеста весьма жадна до любви. Волны густых темных волос оевали это лицо; глаза были закрыты.

Предслава смотрела, затаив дыхание, не чувствуя онемевших рук, в которых сжимала голову... чью? Да уж не сама ли Марена явилась ей?!

И в то же время страшное лицо будило смутные воспоминания. Мысль обращалась к далекому прошлому, когда она, Предслава, находилась здесь, в Коростене, стольном городе древлянской земли, но не как его законная княгиня и хозяйка, а как маленькая, трехлетняя девочка, дочь погибшего киевского князя Аскольда и его жены, ставшей пленницей и заложницей. Тогда она мало что понимала и не знала даже, как опасно их положение — ее самой, ее матери, княгини Дивомилы, а потом и родившегося здесь братика. Дивляна старалась не пугать дочь и пыталась быть

веселой, уверяя, что скоро они поедут домой и все будет хорошо. Поэтому маленькая Славуня, ни о чем особо не печалась, играла со своей нянькой, голядкой Снегулей, слушала сказки, которые рассказывала ей бабушка Елинь, и даже не знала, что над их головами гущались самые черные тучи...

Но опасность, исходившую от этой женщины, чувствовала даже трехлетняя девочка. Колдунья Незвана, в то время первая советчица древлянских князей, внушала ей ужас — своими бесчисленными оберегами, звеневшими на каждом шагу, распущенными темными волосами, подчеркивавшими ее принадлежность скорее к Закрадному миру, чем к белому свету, порывистыми движениями, резким голосом, а главное — пронзительным взглядом серых глаз, блестящих, будто наточенное железо. Она не делала пленницам ничего плохого — во всяком случае на глазах у Славуня, — но при ее появлении девочка трепетала и пряталась возле матери или бабки, чувствуя, что эта женщина грозит гибелью им всем. Даже новорожденному братику, у которого тогда еще не было имени.

Трехлетней девочке весь мир и люди вокруг еще казались слишком большими, так что черты их помнились расплывчато. Особенно плохо она запомнила Незвану, ведь в те дни она боялась смотреть ей в лицо. В последующие годы, слушая бесконечные рассказы матери и няньки о тех грозных временах, она напрасно усиливалась их вспомнить.

Но сейчас Предслава узнала эти черты, которые в последний раз видела маленькой девочкой семнадцать лет назад. Она держала в руках голову Незваны.

Веки мертвой головы дрогнули, черные полукружья ресниц шевельнулись, будто створки ворот Закрадного мира, на которые налегают изнутри... Сейчас она откроет глаза и вонзит взгляд, будто наконечник копья, прямо в сердце своей ускользнувшей жертвы...

Предслава содрогнулась, череп выпал из онемевших, застывших от холода и оттока крови ладоней. Женщина отпрыгнула, а череп упал на камень горы Креницы и с громким треском разбился на множество костяных осколков.

Княгиня замерла в нескольких шагах, безотчетно потирая застывшие кисти рук и пытаясь прийти в себя. Перед глазами плыли белесые пятна, она моргала, силясь сообразить, что такое видела. Свет полной луны заливал площадку древнего святилища на вершине одной из коростеньских гор, а далеко внизу ему отвечала множеством отблесков вода Ужи. Было достаточно светло, чтобы Предслава, уняв головокружение, разглядела белеющие на камне осколки черепа.

Сосуд неизвестно чьей души лежал разбитый, как это и случается рано или поздно со всяким на свете сосудом¹. Так удалось ее гадание или нет? Она хотела узнать, ушел ли покойный муж тропой предков или душа его, задержавшаяся на грани мира живых и мира мертвых, теперь ее беспокоит? Но вместо мужа она увидела саму богиню Марену — или колдунью Незвану, что было для Предславы, в общем-то, одно и то же. И чей же это был череп? Где Далибож его взял?

¹ По древним представлениям, душа живет в голове. (Здесь и далее прим. авт.)

Сойдя наконец с места, Предслава направилась к обчине, где в боковой клетке хранилась посуда, всякая нужная утварь и в числе прочего метла для уборки обчины и площадки святилища после принесения треб и жертвенных пиров. Лунный свет набросил на розовато-серый гранит серебристое покрывало, и ей казалось, будто она идет по поверхности молочного озера. Вернувшись с метлой и кованым совком на деревянной ручке, Предслава принялась сметать в кучу осколки черепа. Их в любом случае следует убрать, а тем более если это то, о чем она подумала.. Ну, дед Даляня, упырь бородатый! Попросила ведь его как человека! Откуда княгине взять череп — она ведь не хранит у себя в ларе головы убитых мужем врагов! Думала, у волхвов уж наверняка найдется, не она же первая придумала месяц вопрошать! И что он ей подсунул? Сам не знал? Или нарочно?

Сметая осколки в кучу, Предслава тщательно собрала их в совок, стараясь не пропустить ни малейшего кусочка, даже мелкий сор из трещин камня вымела, чтобы не оставить ни пылинки. Глянула в сторону обрыва — нет, отсюда до воды не добросить, только разлетится все по склону Кременицы. Надо нести на берег.

Одной рукой держа совок с осколками, а другой опираясь на метлу, чтобы не споткнуться и снова все не рассыпать, Предслава осторожно направилась к реке. Покинула площадку святилища, прошла мимо обчин, где в дни жертвенных пиров рассаживались за длинными столами старейшины и иные нарочитые мужи Великой Деревляни, через резные ворота

вышла за невысокий вал и, старательно нащупывая ногами неровности тропы, стала спускаться. Хорошо, что луна — Марина Чаша — по-прежнему щедро изливала белесый свет и Предслава хорошо видела дорогу.

Она уже почти дошла до кромки берега и выбирала взглядом место, откуда можно высыпать содержимое совка сразу в глубокую воду, как вдруг из тьмы вынырнула человеческая фигура. Предслава вздрогнула, будто от удара молнии, ее облило разом жаром и могильным холодом.

Володыня! Сердце пропустило удар, потом заколотилось у самого горла, будто вот-вот выскочит наружу, метла и совок задрожали в ослабевших руках. Мужчина, молодой и статный, рост чуть выше среднего, широкие плечи, небольшая бородка... Он все-таки явился! Гадание вышло, Марина Чаша показала ей мужа! И он стоит на земле, прямо перед женой, значит, его душа не ушла в Закрадный мир! Она взглянула в его лицо, уверенная, что узнает черты человека, замужем за которым прожила четыре года, хоть и не слишком часто за это время его видела... И вскрикнула — это был вовсе не он!

Собственный крик донесся до нее слабо и как будто со стороны — Предслава даже не узнала свой голос. А мужчина, в это самое мгновение увидев ее, тоже охнул, отшатнулся назад и едва не бросился бежать, но опомнился. В руке его молниеносно оказался меч — меч, не топор, копьё или что другое, Предслава отметила это. Выставив перед собой блестящий в лунном свете клинок, он замер, не сводя с нее глаз...

* * *

Конечно, умные люди не поехали бы осенней ночью через лес, но Рулав уверял, что прожил здесь семнадцать лет и найдет дорогу к Коростеню даже с мешком на голове. К тому же было уже недалеко, и Вояте не хотелось ночевать в очередной веси — вповалку на земляном полу, где хозяйские козы будут наступать на руки и спасибо Велесу, если не ронять катышки на лица. В избах все не поместятся, в овин хозяева не пустят, а в бане ночевать — себе дороже, баенные об эту пору злее злющего: у Доброчи с прошлого раза царапины через всю щеку, а у Светлыни синие пятна на шее. Воята вел с собой всего десять человек, но у Рулава было три десятка — столько приезжих вместит не всякая весь, а ночевать под открытым небом никому не хотелось. И без того намерзлись в дальних дорогах, а гриди хоть и привычные, но тоже ведь не собаки, верно? Поэтому Воята легко поддался на уговоры Рулава, которому после годового отсутствия хотелось поскорее домой к жене, не останавливаться на третий ночлег, а проехать еще немного и добраться до Коростеня хоть затемно. Лет пятнадцать назад князь Ольг приказал прорубить между стольными городами полян и деревлян дорогу через лес, что позволило, при наличии лошадей, заметно сокращать путь: до того по рекам от Киева до Коростеня, все вверх по течению Днепра, Припяти и Ужи, добираться приходилось с неделю и больше, а теперь хватало трех дней — так же, как на путь обратно, вниз по течению. Дорогой часто пользовались, в наиболее низких, топких или грязных в распутицу местах были устроены гати,

которые подновляли сами же проезжающие купцы или местные жители.

У Вояты не было причин не доверять Рулаву: тот действительно жил в стольном городе деревлян уже семнадцать лет, с тех пор как заступил в должность кормильца восьмилетнего Володыни Доброгневовича, оставшегося сиротой и единственным мужчиной в роду. В дорогах он тоже относился к людям бывалым: еще отроком Хродлейв сын Торольва покинул родной Сvealанд, много лет ходил по морям с разными вождями, пока не прибился к дружине Одда Хельги, не попал вместе с ним сперва на Волхов, потом на Днепр. Одд конунг, ставший в Киеве князем Ольгом, доверял ему: Хродлейв Добрый, которого здесь стали звать Рулавом, был его рукою и оком в Деревляни, и он же входил в число посольства, снаряженного Ольгом в прошлом году в греческий Миклагард — закреплять плоды победы. Если уж он обещал, что доведет до Коростеня и в темноте, Воята предпочитал ему верить.

Между собой они говорили по-словенски, хотя могли бы и на северном языке: оба знали одинаково хорошо и тот, и другой. Воята, хоть и считался в Ладоге потомком варяжского рода, появился на свет в Вал-городе на Сяси и считал себя скорее словенином, чем варягом. Но варягов в Ладоге от самого ее основания было столько, что кое-как их речь понимали все до последнего рыбака, а «лучшие люди», особенно имевшие варяжские же корни, общались на нем свободно.

Рулав, женатый на деревлянке, так же свободно говорил по-словенски, и только легкий иноязычный призывк давал понять, что этот язык ему не родной.

— Вот здесь все это случилось. — Шестидесятилетний, но еще крепкий и уверенно сидящий в седле варяг показал на одну из гор над Ужей, облитую белым светом луны. По дороге Воята от скуки расспрашивал его, правда ли все то, о чем он с детства слышал еще в Ладогe, и Рулав, как очевидец большинства событий, подтвердил довольно многое, хотя и не все. — Вот это — Креница, ее еще зовут Святая гора, там святилище. А вон там — Княжья гора, там стоит княжий двор, где мы будем ночевать. Жертвы полагается приносить, конечно, в святилище, но тогда Княжья гора была обложена войском князя Волгостя и никто не мог пройти оттуда на Святую гору, поэтому принесение жертвы устроили прямо в городе, возле стены. Вон с той стороны, где ближе к реке.

Ночью Воята мало что мог разглядеть — только черные громады гор, на которых в свете луны выделялись то часть вала, то особо крупные гранитные валуны, то блеск воды внизу, но кивал. Усталые кони шли шагом, иные из гридей дремали в седлах, особенно киевские, научившиеся этому у степняков.

— И когда княгиня вырвалась, она побежала к этой стороне, к реке. Там нет ворот, и она просто встала над стеной и стала звать на помощь. В это время колдунья и князь Доброгнев догнали ее и хотели выбросить через стену. Но она ухватила колдунью за волосы, и они выпали вместе. Вон склон, по которому они катились. — Рулав показал плетью. Коня он оставил, чтобы Воята мог как следует рассмотреть это место, вошедшее в предания не только Деревляни,

но и всей Русской земли¹. — Если бы княгиня упала первой, а колдунья на нее, то ее дети в тот же день и остались бы сиротами, а боги получили бы свою жертву. Но колдунья при падении оказалась внизу и сразу свернула себе шею. Когда они в обнимку катились дальше к воде, она была уже мертва. Вон там они упали в воду, и там же положили тело колдуньи, когда их выловили. И на том же месте потом ее сожгли на следующий день. Если бы было светло, ты бы сразу увидел — с тех пор там ничего не растет, даже трава и мох, и на земле видно черное пятно, точь-в-точь такого размера, как была крада. Все остатки костра потом смели и бросили в воду. Но рассказывают, что в полнолуние колдунья иногда выходит из реки и бродит здесь возле гор. Ведь она умерла, никому не завещав своих умений и служивших ей духов, а такие люди, ты знаешь, не умирают до конца. Говорят, она ходит и ищет того, кому сможет передать свою силу, чтобы умереть окончательно. В руках она держит метлу и совок, которыми сметают прах и угли крады — ведь при жизни она была Марой, то есть служительницей Мары, или Хель, как ее называли у нас дома. Теперь, как говорят, она вновь и вновь сметает свои собственные кости.

— А ты сам ее видел?

— Я — нет, не буду врать. Но многие люди видели, из тех, кому можно верить.

¹ В соответствии с первоначальным историческим значением Русской землей здесь называется только территория, подвластная Киеву, Переяславлю и Чернигову, то есть область племени полян.